

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СЕМЕЙНО-БЫТОВОМУ НАСИЛИЮ В РОССИИ И ГЕРМАНИИ: СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Т.В. Приходько

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

20 января 2022 г.

Дата принятия в печать –

20 сентября 2022 г.

Дата онлайн-размещения –

20 декабря 2022 г.

Ключевые слова

Домашнее насилие, полиция, временное выселение, правовое регулирование, женщины, Германия

С использованием сравнительно-правового метода исследуется система мер по противодействию семейно-бытовому насилию, предусмотренных в ФРГ на уровне федерации и земель, а также содержащихся в российском законодательстве и проекте федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия» № 1183390-6. Анализируется правомерность применения мер по противодействию семейно-бытовому насилию к нарушителю с точки зрения вмешательства в его основные права и свободы, отмечается позиция Федерального конституционного суда ФРГ о соответствии полицейского приказа о временном выселении требованиям правомерности ограничения основных прав и свобод, предусмотренных Основным законом ФРГ, в том случае, когда данная мера направлена на предотвращение уголовно наказуемых деяний. Обращено внимание на дефекты техники подготовки проекта федерального закона № 1183390-6. Делается вывод о необходимости законодательного разграничения разнородных мер по противодействию семейно-бытовому насилию, таких как защита потерпевшей стороны от насилия и профилактические мероприятия. Отмечается, что практика применения полицейского приказа о временном выселении ФРГ и опыт ограничения основных прав нарушителя могут быть целесообразны для применения в России.

LEGAL REGULATION OF COUNTERACTION TO DOMESTIC VIOLENCE IN RUSSIA AND GERMANY: COMPARATIVE ANALYSIS

Tatiana V. Prikhodko

Baikal State University, Irkutsk, Russia

Article info

Received –

2022 January 20

Accepted –

2022 September 20

Available online –

2022 December 20

Keywords

Domestic violence, police, temporary ejection, legal regulation, women, Germany

The subject. The article considers a study of regulation of countering domestic violence in Russia and Germany. The author investigates the draft of Russian federal law "On the prevention of domestic crimes" No. 1183390-6 and the law of Germany "On civil protection from acts of violence and persecution" as well as federal and lands' legislation in this sphere. Purpose of the study. The comparative study aims to identify the reasons for the draft's unviability in Russian Federation, in particular, and to search for legislative opportunities to solve the domestic crime's problems in Russia, in general.

Methodology. The article is based on the comparative legal method. Due to this method, the article describes the legal protections against domestic violence in Russia and Germany (at the level of the federation and states), the advantages and disadvantages of each system.

The main results. The legal measures in Germany as well as the draft federal law in the Russian Federation contain protective measures that can be applied by police and court. The main feature of German measures from Russian ones is the possibility of temporary violator's ejection from the occupied housing by issuing a judicial or police order. The simplicity of the procedure allows a victim to receive effective help at any time, even at night and on non-working days. The article analyses the allowability of these measures to the offender from the point of view of basic rights' interference; notes the position of the Federal Constitutional Court of Germany about the police order on temporary eviction: the residence ejection is allowable only when the measure aims at preventing criminal acts. The article draws attention to the technique' defects of the Russian draft federal law "On the prevention of domestic crimes" No. 1183390-6, which require correction in order to improve the domestic violence' counteraction in Russia.

Conclusions. It is concluded that in the Russian Federation it is necessary to differentiate heterogeneous phenomena in the law, such as victim's protection from domestic violence and preventive family relationships' measures, unreasonably mixed together in the draft federal law "On the prevention of domestic crimes" No. 1183390-6. Besides the law about victim's protection from acts of violence and persecution should include significant consequences exactly for the violator. In this regard, the German multi-level protection system consisting of police protective measures, preliminary judicial measures as well as judicial measures can be applied. German practice makes it possible to react quickly to an act of domestic violence and provide the necessary victim's support. The experience of applying the police order on the temporary eviction in Germany as well as violator rights' interference may be appropriate for use in Russia.

1. Введение

13 июля 2021 г. в г. Иркутске Роман Терентьев на протяжении нескольких часов угрожал спрыгнуть с балкона 14 этажа вместе с малолетним ребенком. Своими действиями Терентьев пытался привлечь внимание жены, которая подала на развод, мужчина был задержан за подготовку к убийству несовершеннолетнего лица. Как было установлено позже, проявляя ревность, Терентьев не раз избивал жену, в том числе и на глазах у ребенка, заявления супруги в полицию на поведение мужа не привели к результату. Действенные правовые механизмы воздействия на возмутителей семейно-бытовых отношений, помогли бы избежать подобной ситуации.

Статистические данные семейно-бытового насилия в России неоднозначны, во многом это обусловлено отсутствием определения «домашнего насилия» и невозможностью вычленив уголовно и административно наказуемые действия и бездействие, совершаемые в семейно-бытовых отношениях, от иных противоправных деяний. Между тем, не вдаваясь в дискуссию относительно достоверности тех или иных статистических расчетов¹, наличие проблемы бытового насилия в Российской Федерации отрицать трудно.

С начала 2010-х гг. проблема семейно-бытового насилия в Российской Федерации становилась предметом изучения различных наук: социологических [1–3], психологических [4; 5], юридических [6]. В литературе изучалась ретроспектива реализации «семейной власти» [7], особенности виктимизации в семье и ее

последствия [8], обращалось внимание на дифференциацию насилия в зависимости от статуса жертвы (дети [9], подростки [10], женщины [11], мужчины [12], пожилые люди [13]), от связи потерпевшего с причинителем вреда (родственная, брачная, партнерская); проводился анализ особенностей моделей семейно-бытовых отношений в отдельных регионах Российской Федерации [14], в частности в Республике Карелия [15], г. Иванове [16], Республике Башкортостан [17], республиках Северного Кавказа [18].

На необходимость обращения внимания на домашнее насилие указывают как внутренние стратегические документы, к примеру, Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017–2022 гг.², так и практика Европейского Суда по правам человека, в том числе в отношении Российской Федерации³. Однако действенных попыток криминализировать семейно-бытовое насилие с 2017 г. предпринято не было. Вместе с тем, правовое игнорирование домашнего насилия представляет собой растущую социальную проблему, усугубление которой отмечено в период эпидемии, связанной с распространением новой коронавирусной инфекции [19; 20].

Не ведя речь о безусловной рецепции зарубежного законодательства, анализ соответствующей практики иностранных государств переоценить трудно. Компаративные исследования рассматриваемой проблематики посвящены вопросам противодействия домашнему насилию в Англии и Уэльсе [21], США и Аргентине [22], Армении [23], Казахстане [24] и др. Целью настоящей статьи видится изучение 20-лет-

¹ Кориненко Е. Очередь на побои: домашнее насилие не поддается подсчету. URL: <https://iz.ru/910355/ekaterina-korinenko/ochered-na-poboi-domashnee-nasilie-ne-pod-daetsia-podschetu> (дата обращения: 15.01.2022).

² Распоряжение Правительства РФ от 8 марта 2017 г. № 410-р «Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 годы» // Собрание

законодательства Российской Федерации. 2017. № 11. Ст. 1618.

³ Постановление ЕСПЧ от 9 июля 2019 г. «Дело “Володина против Российской Федерации”: жалоба № 41261/17» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2020. № 4.

него опыта Федеративной Республики Германия реализации системы защитных от насилия мер, применяемых, в первую очередь, в отношении женщин, в сравнении с соответствующими положениями проекта российского законодательства с целью критической оценки потенциала реализации последнего.

2. Основы правового регулирования

Прежде всего, законодательную основу защиты от насилия в Федеративной Республике Германия составляет Закон ФРГ «О гражданско-правовой защите от актов насилия и преследований» (далее – Закон ФРГ о защите от насилия)⁴, принятый 11 декабря 2001 г. и вступивший в силу 1 января 2002 г.

Закон ФРГ о защите от насилия в сравнении с российским аналогом выглядит грациозно и содержит всего 4 статьи. Изначально Закон ФРГ о защите от насилия был направлен преимущественно на защиту от мужского насилия женщин и детей. Указывалось, что нарушителями бытового насилия в 85 % случаев являются мужчины: в 2014 г. Европейское агентство по основным правам опубликовало обзор: «Насилие в отношении женщин. Общеввропейское измерение»⁵. В рамках этого исследования были опрошены около 42 000 женщин в возрасте от 18 до 74 лет в 28 государствах – членах Европейского Союза. Среди 1 534 женщин ФРГ, принявших участие в опросе, оказалось, что примерно каждая третья женщина по меньшей мере раз в жизни сталкивалась с физическим или сексуальным насилием со стороны своего партнера. При этом было отмечено, что семейно-бытовое насилие в отношении женщин имеет место не только в социально неблагополучных семьях: женщины со средним и высшим образованием, так называемые представительницы «среднего» социального класса, равным образом подвержены актам насилия. Позже немецкие исследователи начали указывать на умалчивание проблемы насилия против мужчин [25, с. 312].

3. Основания применения защитных мер

В качестве оснований для принятия защитных мер немецкого Закона ФРГ о защите от насилия названы: умышленное незаконное причинение те-

лесного ущерба, ущерба здоровью, свободе или сексуальному самоопределению другого лица, незаконное умышленное вторжение в жилье другого человека или его определенное имущество, или необоснованное неоднократное преследование лица против его воли, в том числе с помощью средств дистанционного общения (п. 2 § 1 Закона ФРГ о защите от насилия).

В первоначальной редакции Закона ФРГ о защите от насилия такое основание к принятию мер по защите от насилия, как сексуальное самоопределение, отсутствовало, но было включено в текст после ратификации Германией Конвенции Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (далее – Стамбульская Конвенция) 12 октября 2017 г. В связи с этим соответствующее отраслевое законодательство было дополнено специальными нормами, касающимися выбора вариантов гендерного развития несовершеннолетних, к примеру, права на хирургическое вмешательство (§ 1631e Гражданского кодекса ФРГ⁶). Было указано, что родители вправе выразить согласие на смену мужского или женского пола только в том случае, если такое вмешательство не может быть отложено до более позднего времени, когда ребенок сможет принять решение самостоятельного. При этом была предусмотрена усложненная процедура получения разрешения от междисциплинарной комиссии. Следует отметить, что несмотря на имеющиеся замечания в немецком обществе норма в целом была воспринята позитивно, поскольку до указанных нововведений в ФРГ операции по преобразованию первичных половых признаков у детей в возрасте до 10 лет были весьма распространены⁷. Представляется, что при отсутствии единообразного понимания значимости сексуальной идентичности в российском обществе, нератификации Стамбульской Конвенции ввиду несогласия с определением «гендера» в предложенном, «европейском», понимании, целесообразно скорее не включать сексуальное самоопределение в качестве основания для применения мер против нарушителя, чем

⁴ Gesetz zum zivilrechtlichen Schutz vor Gewalttaten und Nachstellungen vom 11.12.2001 / BGBl. I S. 3513. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/gewschg> (дата обращения: 15.01.2022).

⁵ Agentur der Europäischen Union für Grundrechte. Gewalt gegen Frauen: eine EU-weite Erhebung. Ergebnisse auf einen Blick. URL: <https://data.europa.eu/data/datasets/violence-against-women-survey?locale=de> (дата обращения: 15.01.2022).

⁶ Bürgerliches Gesetzbuch vom 18.08.1896 / BGBl. I S. 42, 2909; 2003 I S. 738. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/bgb> (дата обращения: 15.01.2022).

⁷ Usebach J. Behandlung von Kinder mit verschiedenen Geschlechtsmerkmalen. URL: <https://www.anwalt.de/rechtstipps/behandlung-von-kinder-mit-verschiedenen-geschlechtsmerkmalen-189629.html> (дата обращения: 15.01.2022).

не принимать закон вовсе, поскольку тотальный отказ от регулирования семейно-бытового насилия оставляет незащищенными огромное количество жертв по всей стране.

В сравнении с немецким законом проект федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия» России содержит более развернутый перечень деяний, которые следует относить к семейно-бытовому насилию: физическое насилие, психологическое, сексуальное экономическое, преследование (ст. 3). В этом отношении проект закона РФ более продуман. Вместе с тем, указанные деяния охватываются «насилием» в том числе и в Германии в соответствии со Стамбульской Конвенцией.

Положительной оценки заслуживает отнесение к насилию проектом федерального закона противоправного отказа в удовлетворении основных потребностей в уходе. В то же время перечень деяний, относимых к психологическому насилию, следует дополнить и включить удержание не только имущества пострадавшего либо его родственников, но и документов указанных лиц, которые «имуществом» в строгом смысле слова не являются, тем более, что далее, в пп. 2 п. 3 ст. 25 проекта № 1183390-6, данные понятия разграничиваются.

Выделение семейно-бытового дебоширства, в предложенном проектом федерального закона толковании, напротив, считаем нецелесообразным. Работа с дебоширами не отражена в рассматриваемом проекте федерального закона, что не позволяет с достоверностью определить позицию законодателя по отношению к данным деяниям. С одной стороны, «нецензурная брань», «уничтожение и (или) повреждение имущества» или «шум» с трудом можно отнести к видам семейно-бытового насилия (ст. 3), с другой – указание дебоширства как деяния, исключаящего семейно-бытовое насилие, открывает возможности для жонглирования фактами и может затруднить применение закона в целом.

Принципы. При анализе проекта федерального закона № 1183390-6 обращают на себя внимание, указанные принципы (ст. 4), к которым отнесены, помимо прочего, принцип «поддержки и сохранения семьи», который, как представляется, обладает потенциалом практической реализации на стадии профилактики семейно-бытового насилия, при проведе-

нии тренингов, разъяснительной работы, внедрении государственных программ, но не может быть гарантирован в момент защиты потерпевшего от акта насилия со стороны возмутителя домашнего спокойствия.

Также вызывает сомнения принцип «соблюдения и защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина». Представляется, что на практике могут возникать сомнения в безусловном соблюдении некоторых прав нарушителя при применении защитных мер, к примеру, таких как запрет на нахождение в месте проживания потерпевшего. Так речь может идти о временном ограничении вещных прав, а в определенных случаях – некоторых родительских прав. Исходя из этого, целесообразным представляется к принципам, указанным в законе о защите жертв от семейно-бытового насилия, отнести принцип соразмерности в понимании, сформулированном в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации в отношении публично-правовой ответственности, в соответствии с которыми меры, применяемые к лицу, должны определяться исходя из требования адекватности порождаемых ими последствий тому вреду, который причинен в результате противоправного деяния, с тем чтобы обеспечивались соразмерность мер наказания совершенному правонарушению, а также баланс основных прав индивида и общего интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от противоправных посягательств⁸.

Следует отметить, что подобная противоречивость свойственна всему проекту федерального закона № 1183390-6: так, к мерам индивидуальной профилактики семейно-бытового насилия, указанным в п. 2 ст. 17, отнесены как собственно профилактические меры (профилактический учет; профилактическая беседа; специализированные психологические программы), так и защитные (защитное предписание; судебное защитное предписание). Представляется, что отмеченная двойственность нормативного правового акта является показателем его нежизнеспособности.

4. Система защитных мер

1. Закон ФРГ о защите от насилия предусматривает меры защиты пострадавших лиц, применяемые судом. В частности, судебное предписание может касаться:

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 13 декабря 2016 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Рос-

сийской Федерации в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 52 (ч. V). Ст. 7729.

- запрета на вторжение в жилье пострадавшего;
- запрета на нахождение в определенном месте жилья пострадавшего или иных местах, определяемых судом, где регулярно находится пострадавший;
- запрета на установление контактов с пострадавшим, в том числе с использованием средств дистанционной связи, если только в этом нет необходимости для защиты законных интересов.

Перечисленные меры могут быть наложены судом вне зависимости от того, находился ли нарушитель в момент совершения бытового насилия под воздействием алкогольных, психотропных или иных аналогичных веществ или действовал без воздействия препаратов, изменяющих сознание (п. 3 § 1 Закона ФРГ о защите от насилия).

При совместном проживании потерпевшего и нарушителя суд, по требованию потерпевшего, может распорядиться об единоличном использовании жилья потерпевшим. В том случае, если вещные права на жилое помещение или имущество принадлежат нарушителю или третьему лицу, право владения, аренды или usufructa на имущество может быть предоставлено потерпевшему сроком до шести месяцев. Данный срок может быть продлен судом, но не более чем еще на шесть месяцев при условии, что пострадавшее лицо не смогло найти другое подходящее жилье в первый установленный период.

При этом нарушитель должен воздержаться от любых деяний, которые могут затруднить или сделать невозможным реализацию права потерпевшего пользоваться жильем, в то же время нарушитель вправе требовать от потерпевшего справедливой платы за пользование жильем, если на это имеются основания. Указанные предписания не выносятся в случае, если у суда имеются основания полагать, что дальнейшее совместное проживание потерпевшего и нарушителя исключено в виду характера применимых в отношении нарушителя мер процессуального пресечения; если потерпевший не заявлял требование в суд более трех месяцев в со дня совершения бытового насилия; либо если на это имеются иные обстоятельства и существенные возражения нарушителя.

В случае, если семейно-бытовое насилие или его угроза было совершено в отношении детей или лиц, находящихся под опекой или попечительством

нарушителя, Закон ФРГ о защите от насилия не применяется, а действуют специальные нормы. В частности, § 1666 Гражданского кодекса Германии закрепляет, что в случае, если физическому, психическому или эмоциональному благополучию ребенка или его собственности угрожает опасность, и родители не хотят или не могут предотвратить ее, суд по семейным делам должен принять меры, необходимые для предотвращения такой опасности. Судебные меры могут включать, к примеру, предписание воспользоваться помощью социальных служб или медицинских учреждений, предписание обеспечить соблюдение требования обязательного школьного образования, временный или бессрочный запрет на нахождение в месте проживания или ином месте, где регулярно находится ребенок, запрет на установление контакта с ребенком или на встречи с ребенком, отмену решения о признании опекуном или попечителем, а также частичное или полное лишение родительских прав. При этом меры, связанные с разлучением ребенка с родителем, в том числе по основаниям, связанным с запретом одного из родителей на нахождение в месте проживания ребенка, допустимы только в исключительных случаях, когда ущерб здоровью и интересам ребенка не может быть устранен иным способом, в том числе при участии государственных социальных служб (п. 2 § 1666а Гражданского кодекса ФРГ). Соответствующие защитные меры подлежат отмене, как только необходимость в них отпадает, и угроза интересам ребенка перестает существовать (п. 2 § 1696 Гражданского кодекса ФРГ).

В свою очередь, проект федерального закона № 1183390-6 содержит подобный перечень мер защитных предписаний, налагаемых в судебном порядке (ст. 24). В отличие от немецкого закона проект № 1183390-6 называет запрет на приобретение и использование любых видов оружия. Вместе с тем, возможность практической реализации, равно как правомерность данной меры как ограничения конституционного права, вызывает сомнения, к примеру, в случае, если ее адресатом выступают лица, имеющие право на применение оружия в силу своей профессиональной деятельности, в частности, сотрудники правоохранительных органов, в определенных случаях – спортсмены⁹, лица, осуществляющие охрану животного мира¹⁰.

⁹ Постановление Правительства РФ от 21 июля 1998 г. № 814 «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 32. Ст. 3878.

¹⁰ Федеральный закон от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 17. Ст. 1462.

В то же время, вменяемую обязанность прохождения специализированной психологической программы и возмещения понесенных расходов оцениваем позитивно. В качестве дополнительных мер судебное защитное предписание подобно немецкому аналогу может охватывать временное выселение нарушителя из жилья. Однако, опираясь на зарубежный опыт, пп. 1 п. 3 ст. 24 законопроекта целесообразно переформулировать, включив указание на индивидуальность обладания не только правом собственности, но и любым вещным правом на жилье.

2. Законодательство ФРГ, равно как и проект федерального закона № 1183390-6 (п. 3 ст. 24), предусматривает возможность выдачи предварительного судебного запрета, когда существует острая необходимость в немедленных действиях, направленных на защиту потерпевшего от насилия (§ 214 Закона ФРГ о процессуальном порядке разрешения семейных споров и вопросов добровольной юрисдикции¹¹).

Законом ФРГ предусматривается, что нарушение установленных судом запретов, а также условий мирового соглашения, заключенного по основаниям бытового насилия в соответствии с п. 1 § 214 а Законом ФРГ о процессуальном порядке разрешения семейных споров и вопросов добровольной юрисдикции, влечет ограничение свободы сроком до 1 года либо наложение денежного штрафа. При наличии иных оснований нарушитель подлежит уголовной ответственности в соответствии с действующим законодательством ФРГ.

3. Отличительной чертой системы защитных мер против бытового насилия Федеративной Республики Германия является возможность применения полицейских приказов о временном выселении. Подобные меры актуальны в случаях, когда требуется беспромеделительная защита, а судебное предписание в этот момент не может быть получено, к примеру, при совершении насилия вечером, ночью или в выходные дни.

Положения о временном выселении регулируются законами земель: к примеру, п. 3 § 27a Закона о

полиции земли Северный Рейн-Вестфалия¹²; п. 2 § 13 Закона об общих правилах безопасности и порядка земли Рейнланд-Пфальц¹³.

Рассматриваемая мера предусматривает выдачу органами полиции приказа о временном изгнании нарушителя из общей квартиры и запрет на возвращение в жилье¹⁴. Несмотря на региональное правовое регулирование, разное именование данной меры в землях, в юридической литературе Германии отмечается, что процедура выдачи запрета на возвращение по большей части является стандартизированной [26, s. 461].

По задумке немецкого законодателя в случае совершения противоправных действий, жилье не должно оставаться «убежищем» для нарушителя, поэтому неверно было бы перемещать из домашней среды жертву насилия, лишая ее привычного комфорта и меняя жизненный уклад [27, s. 18]. Приказ о временном выселении нарушителя дает возможность пострадавшей стороне в спокойной обстановке и знакомой среде, без риска вновь подвергнуться актам насилия, обдумать свои дальнейшие действия, принять решение относительно последующих действий, в том числе касающихся обращения в суд. Таким образом, именно нарушитель должен нести негативные последствия совершенного деяния.

Полицейский запрет на возвращение в жилье может носить исключительно временный характер (в большинстве земель – до 14 дней). По мнению Конституционного суда ФРГ подобные временные меры позволяют властям инициировать краткосрочное экстренное вмешательство с целью урегулирования острых конфликтов с опасностью для жизни, здоровья и свободы человека¹⁵.

Федеральный конституционный суд ФРГ указал, что временное выселение из жилья не посягает на основное право, закрепленное в ст. 14 Основного закона ФРГ¹⁶ (право собственности), равно как и на неприкосновенность жилища, предусмотренное ст. 13 Основного закона ФРГ, поскольку рассматриваемая мера не предполагает экспроприации жилища, а вторжение на территорию происходит на ос-

¹¹ Gesetz über das Verfahren in Familiensachen und in den Angelegenheiten der freiwilligen Gerichtsbarkeit. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/famfg> (дата обращения: 15.01.2022).

¹² Polizeigesetz des Landes Nordrhein-Westfalen vom 25. Juli 2003 // GV. NRW. S. 441. URL: <https://beck-online.beck.de> (дата обращения: 15.01.2022).

¹³ Polizei- und Ordnungsbehördenengesetz des Rheinland-Pfalz vom 10. November 1993 // GVBl. 1993. P. 595. URL: <https://beck-online.beck.de> (дата обращения: 15.01.2022).

¹⁴ Allgemeines Polizei- und Ordnungsrecht / V. Götz, M.-E. Geis. 17. Auflage. C. H. Beck, 2021. P. 29. URL: <https://beck-online.beck.de> (дата обращения: 15.01.2022).

¹⁵ Bundesverfassungsgericht (1. Kammer des Ersten Senats). Beschluß vom 22.2.2002 – 1 BvR 300/02 // Neue Juristische Wochenschrift. 2002. P. 2225. URL: <https://beck-online.beck.de> (дата обращения: 15.01.2022).

¹⁶ Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland vom 23.05.1949 / BGBl. I S. 1. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/gg> (дата обращения: 15.01.2022).

новании закона с целью предотвращения опасности отдельных лиц, предотвращения угрозы общественной безопасности и порядку, как этого требует ч. 7 ст. 13 Основного закона ФРГ.

В то же время применение приказа о временном выселении предполагает ограничение свободы передвижения лица (ст. 11 Основного Закона ФРГ), однако такое вмешательство в основные права и свободы допускается в соответствии с ч. 2 ст. 11 Основного закона ФРГ в том случае, если оно будет призвано «предотвратить преступные действия». Следовательно, исходя из предписаний Основного закона ФРГ, выдача приказа о временном выселении правомерна только тогда, когда действия нарушителя представляют собой уголовно наказуемые деяния, например, в случае причинения телесных повреждений различной степени тяжести (§ 223 Уголовного кодекса ФРГ¹⁷), угрозы убийством (§ 211 Уголовного кодекса ФРГ), незаконным лишением свободы (§ 239 Уголовного кодекса ФРГ), нарушением свободы сексуального самоопределения (§ 174 Уголовного кодекса ФРГ). Соответствующие положения земельных законов о полиции в качестве оснований для применения рассматриваемых мер предусматривают наличие реальной опасности для жизни, здоровья, телесной или гендерной свободы обитателей одного и того же жилья. Однако, отмечается необходимость распространения защиты не только в случае серьезных побоев, истязаний или жестоко обращения, но и при нанесении однократных пощечин, ударов руками или ногами¹⁸.

На практике зачастую возникают трудности в установлении фактических обстоятельств дела и, в связи с этим, определении правомерности вынесения приказа о выселении нарушителя. Наличие опасности для жизни, здоровья или свободы – это факт, подлежащий установлению сотрудниками полиции в каждом конкретном случае [26, s. 469]. Прибыв на место происшествия, сотрудники полиции сталкиваются с неоднозначной картиной событий. Первое, что необходимо выяснить: имело ли место физическое нападение на лицо, проживающее в помещении, со стороны другого обитателя этого жилья. Следующий шаг – оценка совершенного акта насилия, поскольку именно характер первичного эпизода яв-

ляется главным и основным критерием, по которому сотрудники полиции должны определить вероятность рецидива и выявить потенциальную опасность [28, s. 522]. В то же время, если нападение (еще) не произошло, то наличие «реальной опасности» доказать достаточно сложно, даже если при этом имеются иные признаки, указывающие на эскалацию бытового конфликта: к примеру, алкогольное опьянение, словесная брань, переросшая в перепалку, поэтому в выдаче запрета будет отказано [26, s. 469].

Полиции надлежит определить, имеются ли у потерпевшего какие-либо травмы (синяки, порезы), и, путем опроса пострадавшего и свидетелей, получить информацию о причинах этих травм. После идентификации нарушителя, ему предоставляется возможность дать пояснения о случившейся ситуации: был ли акт насилия первичным, носящим разовый характер, наличествовал ли умысел на содеянное. В случае, если нарушитель бытового спокойствия настаивает на причинении вреда в порядке самообороны, на нем лежит бремя доказывания в соответствии с § 227 Гражданского кодекса ФРГ. При наличии травм у обеих сторон конфликта, с целью применения мер о временном выселении сотрудникам правоохранительных органов надлежит установить лицо, причинившее наибольший ущерб. В случае невозможности однозначного установления нарушителя, сотрудники полиции принимают решение о применении защитных мер, исходя из соображений разумности [29, s. 12]. Подвергнувшееся временному выселению лицо вправе обжаловать применение к нему защитных мер.

На практике особую сложность представляет достоверное определение серьезности бытового конфликта и степени существующей опасности для потерпевшего, в случае, если последний отказывается от сотрудничества с органами. Причиной такого поведения может быть устрашение со стороны нарушителя, угрозы, подавление воли жертвы, вызванные систематическим «устойчивым насилием»¹⁹. На практике это может выражаться в преуменьшении противоправных деяний, умалчивании фактов или вовсе – отрицании акта насилия потерпевшей стороной. Также возможны ситуации, при которых потерпевшее лицо препятствует применению полицией

¹⁷ Strafgesetzbuch vom 15.05.1871 // BGBl. I S. 2363. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/stgb> (дата обращения: 15.01.2022).

¹⁸ Verwaltungsgericht Lüneburg. Beschluss vom 13.06.2003 – 3 В 47/03. URL: <https://beck-online.beck.de> (дата обращения: 15.01.2022).

¹⁹ Oberverwaltungsgericht Greifswald. Beschluss vom 11.02.2004 – 3 М 33/04. URL: <https://beck-online.beck.de> (дата обращения: 15.01.2022).

защитных мер и выступает против выселения нарушителя из жилья, тем самым добровольно подвергая себя опасности. Перед полицией стоит непростая задача – выявить добровольность поведения сторон и оценить возможные последствия принятого решения в том или ином случае²⁰. При этом анализ судебной практики указывает, что в случае, «если свобода поведения потерпевшего лица от насилия ... не может быть определена однозначно и с должной уверенностью» при принятии решения о временном выселении лица, защита жизни, здоровья и законных интересов потенциальной жертвы должны иметь преимущественное значение²¹. Таким образом, принятие защитных мер сотрудниками полиции не зависит от воли потерпевшей стороны.

Положения земельных законов о полиции, равно как и Закон ФРГ о защите от насилия, не требуют для вынесения приказа о временном выселении нарушителя, чтобы пострадавшее лицо непременно являлось владельцем или арендатором / нанимателем жилого помещения. Наличие или отсутствие права собственности или иного права для предоставления защиты в этом случае не имеет значения, поскольку жертвами могут являться дети, которые могут не обладать вещными правами на жилье²².

Отмечается, что жителем при решении вопроса о насилии, должно признаваться любое лицо, чье «место проживания сосредоточено в рассматриваемом месте» [26, s. 472]. В то же время, лица, находящиеся в жилом помещении агрессора временно, более того, имеющие собственное жилье, не могут рассчитывать на временное выселение нарушителя. Однако положения законов о полиции некоторых земель, например, § 14 а (1) Закона о полиции Бремена²³; п. 1 § 34 а (1)1 Закона о полиции земли Северный Рейн-Вестфалия, расширяют эту защиту: пострадавший вправе рассчитывать на выселение нарушителя из помещения даже в том случае, если место его проживания не «сосредоточено в рассматриваемом месте» и фактически у него имеется иное жилье. В таком случае потерпевшему может понадобиться некоторое время на то, чтобы восстановиться и добраться до прежнего места жительства.

Более того, в ряде законов о полиции (к примеру, п. 2 § 13 Закона об общих правилах безопасности и порядка земли Рейнланд-Пфальц) содержится специальное указание на то, что правообладание жилым помещением не должно приниматься во внимание при решении вопроса о выдаче приказа о временном выселении, таким образом, нарушитель не может ссылаться на наличие у него права собственности на жилье в качестве аргумента против выселения. Что касается «жилого помещения», то по смыслу рассматриваемых законов оно трактуется достаточно широко, и включает в себя также «непосредственно прилегающую территорию», а в случае, если жилье располагается в многоквартирном доме, эта площадь включает в себя все здание, в том числе подъезд, лестничные клетки, общедомовые помещения и даже земельный участок, на котором расположено здание²⁴. Назначением подобного экспансивного понимания территории, на которой нельзя пребывать нарушителю, заключается в «требовании предоставления эффективной защиты» подвергающегося риску лица (п. 1 § 34 а Закона о полиции земли Северный Рейн-Вестфалия).

В то же время временное выселение нарушителя и запрет пребывания на «непосредственно прилегающей территории» относятся исключительно к месту жительства потерпевшего, но не к его личности или иному месту, где лицо может находиться, поэтому для обеспечения большей защиты приказ о временном выселении может быть сопряжен с запретом на приближение (например, § 34 а Закона о полиции земли Северный Рейн-Вестфалия).

Запрет на приближение предполагает приказ, адресованный нарушителю, не проводить встречи с потерпевшим вне зависимости от того, где он находится. Таким образом, запрет может распространяться на место работы, учебы или иные места, которые потерпевшее лицо регулярно посещает. Кроме этого, полицейский запрет может касаться не только запрета на физические встречи нарушителя с потерпевшим, но и на дистанционное общение. Так называемое «преследование» «характеризуется разнообразием своих проявлений» и может осуществ-

²⁰ Verwaltungsgericht Minden. Beschluss vom 06.01.2004 – 11 L 7/04. URL: <https://beck-online.beck.de> (дата обращения: 15.01.2022).

²¹ Verwaltungsgericht Aachen. Beschluss vom 22.6.2004 – 6 L 555/04. URL: <https://beck-online.beck.de> (дата обращения: 15.01.2022).

²² Verwaltungsgericht Aachen. Beschluss vom 23.4.2004 – 6 L 367/04. URL: <https://beck-online.beck.de> (дата обращения: 15.01.2022).

²³ Bremisches Polizeigesetz vom 11.04.1983 // Brem.GBl. S. 1486, 1568. URL: <https://beck-online.beck.de> (дата обращения: 15.01.2022).

²⁴ Verwaltungsgericht Gelsenkirchen. Beschluss vom 19.8.2003 – 17 L 2079/03. URL: <https://beck-online.beck.de> (дата обращения: 15.01.2022).

ляться посредством телефонных звонков, сообщений в мессенджерах, отправки посылок, встреч с друзьями или коллегами потерпевшего, оставления уведомлений у входной двери или в машине, заказа товаров на имя жертвы. Отмечается, что подобные деяния оказывают негативное воздействие на моральное и физическое состояние потерпевшей стороны: нередки случаи, когда по причине тревоги, беспокойства, сопровождающихся головными болями и нарушением сна, пострадавшие вынуждены скрываться и менять прежнее место жительства и работы²⁵.

Проект федерального закона № 1183390-6 закрепляет полномочия и обязанности сотрудников полиции: этому посвящены п. 2 ст. 10 и ст. 11 соответственно. Размещение данных положений в законе, противодействующем семейно-бытовому насилию, считаем неоправданным. Представляется, что для целей единообразного правового регулирования раздел о правах и обязанностях сотрудников полиции должен быть указан в соответствующем законе.

Обращает на себя внимание вменение в обязанность сотрудников полиции реагирование при «наличии оснований для принятия мер индивидуальной профилактики» (ст. 11 проекта федерального закона). Оценочный характер данной формулировки может затруднить практическое применение рассматриваемой нормы, поэтому видится целесообразным указать перечень конкретных оснований для принятия полицейских мер: угроза жизни, здоровью, свободе или, напротив, уже совершенное насилие и т. п. Кроме того, вызывает изумление словосочетание «меры индивидуальной профилактики», поскольку «профилактика» предполагает комплекс мероприятий по предотвращению возникновения негативного явления, что практически невозможно при уже свершившемся акте насилия, которое, очевидно, должно произойти в момент прибытия сотрудников полиции, потому как на это указывает характер подлежащих применению полицией мер, указанных в п. 1 ст. 11 проекта.

В отличие от немецкого аналога проект федерального закона № 1183390-6 предусматривает возможность «удаления» пострадавшего лица из места, ставшего очагом конфликта (п. 5 ст. 11). Однако представляется неверным, чтобы пострадавшие

лица, которые подверглись домашнему насилию, покидали дом, привычную обстановку, расставались с частью вещей и искали убежище в приютах и организациях социального обслуживания. В данном случае импонирует подход немецкого законодателя к решению подобного вопроса, заключающегося в концепции создания негативных последствий для нарушителя и сохранения привычной среды для потерпевшей стороны.

Вместе с тем, закрепление полномочий сотрудников полиции на временное выселение нарушителя и запрета на нахождение в местах, где регулярно пребывает потерпевший, в Российской Федерации, в отличие от Федеративной Республики Германия, должно происходить посредством федерального, а не регионального, законодательства, поскольку в соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ ограничение основных прав и свобод в условиях обычного правового режима допускается только через принятие или изменение федерального закона. Необходимо отметить, что защита здоровья, прав и законных интересов потерпевших от насилия лиц вполне соответствуют конституционным требованиям целей предполагаемых ограничений. Вопрос о допустимости вмешательства в свободу передвижения, выбора места пребывания и жительства, предусмотренную ч. 1 ст. 27 Конституции РФ, должен решаться в каждом конкретном случае с учетом критериев, сформулированных в правовых позициях Конституционного Суда РФ: справедливость, адекватность, пропорциональность, соразмерность и необходимость ограничения строго обусловленным целям. При этом вмешательство не должно иметь обратной силы и затрагивать само существо конституционного права. Чтобы исключить возможность несоразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина в конкретной правоприменительной ситуации, норма должна быть формально определенной, точной, четкой и ясной, не допускающей расширительного толкования установленных ограничений и, следовательно, произвольного их применения²⁶.

5. Заключение

Проведя сравнительный анализ действующего немецкого и намерений отечественного правового регулирования сферы противостояния семейно-бы-

²⁵ Der Bundesgerichtshof. Beschluss vom 19.11.2009 – 3 StR 244/09. URL: <https://beck-online.beck.de> (дата обращения: 15.01.2022).

²⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 30 октября 2003 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона “Об основных

гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С. А. Бунтмана, К. А. Катаняна и К. С. Рожкова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 6.

товому насилию, можно сделать вывод о том, что рассмотренное законодательство ФРГ направлено именно на защиту потерпевшего от актов насилия или угрозы его совершения в то время как в российском проекте федерального закона смешаны две категории: с одной стороны, это поддержка и сохранение семьи (п. 4 ст. 4), с другой – защита потерпевшего от насилия, являющиеся оксюмороничными по своей сути, что, как представляется, может вызвать затруднения в практическом применении.

Не умоляя ценности индивидуальных мер профилактики семейно-бытового насилия, роли социальных служб в проведении просветительских мероприятий, и значимости государственной поддержки в этой сфере, действенная защита потерпевшей стороны от насилия, осуществляемая молниеносно, имеет первостепенное значение в любом государстве, и Российская Федерация здесь не является исключением.

Представляется необходимым разграничить в разных нормативных правовых актах федерального уровня профилактические меры и защитные. Последние, в свою очередь, должны предполагать су-

щественные последствия для нарушителя, к которым, как видится, профилактический учет, профилактическая беседа, специализированные психологические программы, указанные в пп. 1–3 п. 2 ст. 17 проекта федерального закона № 1183390-6, не относятся; при этом препятствия на пути к реализации защитных мер должны быть сведены к минимуму. Немецкий подход демонстрирует стремление снизить процессуальные барьеры на пути предоставления защиты потерпевшего; предусмотрена многоступенчатая система защиты: полицейские защитные меры, предварительные судебные меры, а также судебные меры, все из которых являются достаточно строгими по своей сути. Представляется, что указанное позволяет отреагировать на акт бытового насилия быстро и оказать необходимую помощь потерпевшему вне зависимости от времени суток, дней недели и иных подобных обстоятельств.

В то же время существующий отказ от принятия закона в Российской Федерации свидетельствует не об отсутствии проблемы, а, напротив, является показателем невыработанного решения, демонстрируя пробелы в законодательстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жигунова Г. В. Причины насилия над женщинами в семье / Г. В. Жигунова, Н. О. Пономаренко // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 2 (34). – С. 137–144.
2. Сланова А. Ю. Насилие в семье как социальная проблема в современной России / А. Ю. Сланова // Дискуссия. – 2015. – № 10 (62). – С. 125–131.
3. Черникова Т. А. Роль социальных служб в профилактике насилия в семье / Т. А. Черникова, Л. Д. Шайдукова, П. А. Тимофеева // Международный научно-исследовательский журнал. – 2020. – № 11 (101). – Ч. 2. – С. 154–157. – DOI: 10.23670/IRJ.2020.101.11.062.
4. Борисов С. Н. Домашнее насилие как фактор нарушения социального и психического здоровья / С. Н. Борисов, О. А. Волкова, О. В. Бессчетнов, Р. Ю. Доля // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2020. – № 28 (1). – С. 68–73. – DOI: 10.32687/0869-866X-2020-28-1-68-73.
5. Зубрицкая А. С. Особенности психологической помощи женщинам, пострадавшим от домашнего насилия / А. С. Зубрицкая // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. – 2009. – № 3. – С. 77–86.
6. Саламова С. Я. Домашнее насилие в современной России: общая характеристика / С. Я. Саламова // Lex russica. – 2018. – № 9 (142). – С. 129–138.
7. Бадонов А. М. Домашнее насилие как инструмент власти в семье / А. М. Бадонов // Власть. – 2017. – № 2. – С. 108–112.
8. Лысова А. В. Социально-психологические характеристики женщин, совершивших преступления (по результатам исследования в женской исправительной колонии в Приморском крае) / А. В. Лысова, Л. И. Романова // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2016. – Т. 10, № 2. – С. 252–260. – DOI: 10.17150/1996-7756.2016.10(2).252-260.
9. Ивасюк О. Н. Особенности семейно-бытовых преступлений в отношении несовершеннолетних и проблемы их предупреждения / О. Н. Ивасюк // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 7. – С. 123–129. – DOI: 10.24411/2073-0454-2019-10390.
10. Степанова И. Б. Подросток и насилие: проблемы и факты / И. Б. Степанова, Т. М. Явчуновская // Всероссийский криминологический журнал. – 2011. – № 4 (18). – С. 50–55.

11. Сошникова И. В. Проблема семейно-бытового насилия над женщинами в России и возможные пути ее решения / И. В. Сошникова // Общество: социология, психология, педагогика. – 2020. – № 11 (79) – С. 32–35.
12. Харламов В. С. Виктимологическая диагностика пострадавших от криминального насилия в семье мужчин / В. С. Харламов // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2017. – № 3. – С. 65–68.
13. Боженкова К. А. Транспективный анализ феномена геронтологического насилия / К. А. Боженкова, Т. Г. Бохан // Сибирский психологический журнал. – 2018. – № 67. – С. 135–148. – DOI: 10.17223/17267080/67/10.
14. Очередько В. П. География криминального супружеского насилия в современной России / В. П. Очередько, С. П. Ломтев, В. С. Харламов // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – № 4. – С. 666–676. – DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(4).666-676.
15. Римащевская Н. М. Домашнее насилие: оценка российскими домохозяйствами / Н. М. Римащевская, М. М. Малышева, Т. В. Морозова, М. П. Пискалова-Паркер // Народонаселение. – 2016. – № 1. – С. 103–115.
16. Мещерякова О. М. Насилие в семье как социальная проблема (по результатам пилотажного исследования в г. Иваново) / О. М. Мещерякова // Женщина в российском обществе. – 2006. – № 1–2. – С. 83–84.
17. Хилажева Г. Ф. Насилие в семье как социальная проблема современного общества / Г. Ф. Хилажева // Социологические исследования. – 2015. – № 8. – С. 61–65.
18. Сиражудинова С. В. «Я не могу сказать!»: к проблеме домашнего и сексуального насилия в республиках Северного Кавказа / С. В. Сиражудинова // Женщина в российском обществе. – 2017. – № 4 (85). – С. 26–35.
19. Безвербная Н. А. Рост семейного насилия во время чрезвычайных ситуаций и пандемии COVID-19 / Н. А. Безвербная // Вестник РГГУ. – 2021. – № 1. – С. 111–123. – DOI: 10.28995/2073-6401-2021-1-111-123.
20. Бессчетнова О. В. Проблема домашнего насилия в пандемию Covid-19: кто виноват и что делать? / О. В. Бессчетнова // Известия Саратовского университета. – 2021. – Т. 21. – № 3. – С. 283–288. – DOI: 10.18500/1818-9601-2021-21-3-283-288.
21. Голованова Н. А. Противодействие домашнему насилию: новый опыт Великобритании / Н. А. Голованова // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14, № 2. – С. 338–350. – DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(2).338-350.
22. Федорова И. В. Актуальные проблемы противодействия домашнему насилию в Российской Федерации и пути их преодоления (на примере зарубежных стран) / И. В. Федорова, Д. С. Клокова // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 1. – С. 260–263. – DOI: 10.24412/2073-0454-2021-1-260-263.
23. Каширкина А. А. Европейский опыт оценки гендерной проблематики: совместимость международных стандартов и национальных правовых подходов / А. А. Каширкина, А. Н. Морозов // Женщина в российском обществе. – 2021. – № 3. – С. 3–17. – DOI: 10.21064/WinRS.2021.3.1.
24. Ростовская Т. К. Профилактика насилия как фактор безопасности семьи / Т. К. Ростовская, Т. Б. Калиев, Н. Б. Завьялова, В. А. Безвербный // Женщина в российском обществе. – 2018. – № 1 (86). – С. 78–88. – DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.7.
25. Lang H. Das Opfer bleibt, der Schläger geht / H. Lang // Verwaltungsarchiv. – 2005. – S. 308–341.
26. Handbuch des Polizeirechts: Gefahrenabwehr, Strafverfolgung, Rechtsschutz / Hrsg. M. Baker, E. Denninger, K. Graulich. – Verlag C. H. Beck oHG, 2018. – 1956 s.
27. Ruder K.-H. Platz- bzw. Hausverweis, Betretungs- und Rückkehrverbot für gewalttätige Ehepartner? / K.-H. Ruder // Verwaltungsblätter für Baden-Württemberg. – 2002. – S. 15–39.
28. Kay W. Wohnungsverweisung – Rückkehrverbot zum Schutz vor häuslicher Gewalt / W. Kay // Neue Zeitschrift für Verwaltungsrecht. – 2003. – S. 522–563.
29. Faußner M. Wohnungsverweisung und Rückkehrverbot über Art. 16 Satz 1 BayPAG: zur Notwendigkeit einer speziellen Befugnisnorm / M. Faußner. – Suedwestdeutscher Verlag fuer Hochschulschriften, 2011. – 236 s.

REFERENCES

1. Zhigunova G.V., Ponomarenko N.O. Causes of domestic violence against women. *Izvestiya vysshykh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki*, 2015, no. 2 (34), pp. 137–144. (In Russ.).
2. Slanova A. Yu. Domestic violence as a social problem in modern Russia. *Diskussiia*, 2015, no. 10 (62), pp. 125–131. (In Russ.).

3. Chernikova T.A., Shajdukova L.D., Timofeeva P.A. The Role of Social Services in the Prevention of Domestic Violence. *Mezhdunarodnij nauchno-issledovatel'skij zhurnal*, 2020, no. 11 (101), pp. 154–157. DOI: 10.23670/IRJ.2020.101.11.062. (In Russ.).
4. Borisov S. N., Volkova O. A., Besschetnov O.V., Dolya R.Yu. Domestic Violence as a Factor of Social and Mental Health Disorders. *Problemy sotsialnoy gigiyeny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny*. 2020, no. 28 (1), pp. 68–73. DOI: 10.32687/0869-866X-2020-28-1-68-73. (In Russ.).
5. Zubrickaya A.S. Features of psychological assistance to women who have suffered from domestic violence. *Izvestiya Dalnevostochnogo federalnogo universiteta. Ekonomika i upravlenie*, 2009, no. 3, pp. 77–86. (In Russ.).
6. Salamova S.Ya. Domestic violence in modern Russia: general characteristics. *Lex russica*, 2018, no. 9 (142), pp. 129–138. (In Russ.).
7. Badonov A.M. Domestic violence as an instrument of power in the family. *Vlast'*, 2017, no. 2, pp. 108–112. (In Russ.).
8. Lysova A.V., Romanova L.I. Socio-psychological characteristics of women who have committed crimes (based on the results of a study in a female correctional colony in the Primorsky Territory). *Kriminologicheskii zhurnal Baikalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Russian journal of criminology*, 2016, no. 2, pp. 252–260. DOI: 10.17150/1996-7756.2016.10(2).252-260. (In Russ.).
9. Ivasyuk O. N. Features of family and domestic crimes against minors and problems of their prevention. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 7, pp. 123–129. DOI: 10.24411/2073-0454-2019-10390. (In Russ.).
10. Stepanova I.B., Yavchunovskaya T.M. Teenagers and violence: problems and facts, in: I. B. Stepanova. *Vse-rossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian journal of criminology*, 2011, no. 4 (18), pp. 50–55. (In Russ.).
11. Soshnikova I.V. The problem of domestic violence against women in Russia and possible ways of solving it. *Obshchestvo, sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*, 2020, no. 11 (79), pp. 32–35. (In Russ.).
12. Harlamov V. S. Victimological Diagnostics of Men Victims of Criminal Domestic Violence. *Vestnik Uralskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2017, no. 3, pp. 65–68. (In Russ.).
13. Bozhenkova K.A., Bohan T.G. Trans-perspective analysis of the phenomenon of gerontological violence. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian Journal of Psychology*, 2018, no. 67, pp. 135–148. DOI: 10.17223/17267080/67/10. (In Russ.).
14. Ochered'ko V.P., Lomtev S.P., Kharlamov V.S. Geography of criminal spousal violence in modern Russia. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian journal of criminology*, 2017, no. 4, pp. 666–676. DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(4).666-676. (In Russ.).
15. Rimashevskaya N.M., Malysheva M.M., Morozova T.V., Pisklakova-Parker M.P. Domestic Violence: An Assessment by Russian Households. *Narodonaselenie = Population*, 2016, no. 1, pp. 103–115. (In Russ.).
16. Mesheryakova O. M. Domestic violence as a social problem (based on the results of a pilot study in Ivanovo). *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve = Woman in Russian society*, 2006, no. 1-2, pp. 83–84. (In Russ.).
17. Hilazheva G.F. Domestic violence as a social problem of modern society. *Sociologicheskie issledovaniya = Journal of Social Research*, 2015, no. 8, pp. 61–65. (In Russ.).
18. Sirazhudinova S.V. “I can't say!": On the problem of domestic and sexual violence in the republics of the North Caucasus. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve = Woman in Russian society*, 2017, no. 4, pp. 26–35. (In Russ.).
19. Bezverbnaya N.A. Rise in domestic violence during emergencies and the COVID-19 pandemic. *Vestnic RGTU*, 2021, no. 1, pp. 111–123. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-1-111-123. (In Russ.).
20. Besschetnova O.V. The problem of domestic violence in the Covid-19 pandemic who is to blame and what to do? *Izvestiya Saratovskogo universiteta*, 2021, no. 3, pp. 283–288. DOI: 10.18500/1818-9601-2021-21-3-283-288. (In Russ.).
21. Golovanova N.A. Countering Domestic Violence: A New UK Experience. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian journal of criminology*, 2020, no. 2, pp. 338–350. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(2).338-350. (In Russ.).
22. Fedorova I.V., Klokova D. S. Actual problems of countering domestic violence in the Russian Federation and ways to overcome them (on the example of foreign countries). *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vest-*

nik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021, no. 1, pp. 260–263. DOI: 10.24412/2073-0454-2021-1-260-263. (In Russ.).

23. Kashirina A. A. European experience in gender assessment: compatibility of international standards and national legal approaches. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve = Woman in Russian society*, 2021, no. 3, pp. 3–17. DOI: 10.21064/WinRS.2021.3.1. (In Russ.).

24. Rostovskaya T.K., Kaliev T.B., Zav'yalova N.B., Bezverbnyi V.A. Violence prevention as a factor of family safety. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve = Woman in Russian society*, 2018, no. 1 (86), pp. 78–88. DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.7. (In Russ.).

25. Lang H. Das Opfer bleibt, der Schläger geht. *Verwaltungsarchiv*, 2005, pp. 308–341. (In German).

26. Baker M., Denninger E., Graulich K. (eds.). *Handbuch des Polizeirechts: Gefahrenabwehr, Strafverfolgung, Rechtsschutz*. Verlag C. H. Beck oHG, 2018. 1956 p. (In German).

27. Ruder K.-H. Platz- bzw. Hausverweis, Betretungs- und Rückkehrverbot für gewalttätige Ehepartner? *Verwaltungsblätter für Baden-Württemberg*, 2002, pp. 15–39. (In German).

28. Kay W. Wohnungsverweisung – Rückkehrverbot zum Schutz vor häuslicher Gewalt. *Neue Zeitschrift für Verwaltungsrecht*, 2003, pp. 522–563. (In German).

29. Faußner M. *Wohnungsverweisung und Rückkehrverbot über Art. 16 Satz 1 BayPAG: zur Notwendigkeit einer speziellen Befugnisnorm*. Suedwestdeutscher Verlag fuer Hochschulschriften, 2011. 236 p. (In German).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Приходько Татьяна Викторовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения национальной безопасности Байкальский государственный университет 664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 11
E-mail: prikhodko_tv@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9421-0081
SPIN-код РИНЦ: 2258-1772

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Tatiana V. Prikhodko – PhD in Law, Associate Professor, Department of Legal Support of National Security Baikal State University
11, Lenina ul., Irkutsk, 664047, Russia
E-mail: prikhodko_tv@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9421-0081
RSCI SPIN-code: 2258-1772

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Приходько Т.В. Правовое регулирование противодействия семейно-бытовому насилию в России и Германии: сравнительное исследование / Т.В. Приходько // *Правоприменение*. – 2022. – Т. 6, № 4. – С. 149–161. – DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(4).149-161.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Prikhodko T.V. Legal regulation of counteraction to domestic violence in Russia and Germany: comparative analysis. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2022, vol. 6, no. 4, pp. 149–161. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(4).149-161. (In Russ.).